

«ТЕМНАЯ ВЕРА» Г. БОЛТЯНСКОГО – СЦЕНАРИЙ ИГРОВОГО ФИЛЬМА (1917), ПОСТАВЛЕННЫЙ В. СТАРЕВИЧЕМ

АННОТАЦИЯ

В рамках статьи впервые публикуется сценарий игрового фильма «Темная вера», написанный в 1916 г. сценаристом Григорием Моисеевичем Болтянским – будущим организатором советского кинопроизводства, зачинателем советской кинохроники, энтузиастом кинематографа, который после Октябрьской революции проявит себя в режиссуре, киноведении, истории и теории кино и других направлениях, связанных с популяризацией искусства кино. 1916–1918 гг. – период его активного сотрудничества с кинематографическим отделом Скобелевского комитета, одним из штатных режиссеров которого в те же годы был режиссер-оператор, основоположник российской анимации и мастер трюкового кино Владислав Александрович Старевич. Четырехчастевый игровой фильм «Темная вера»¹, который вышел на экраны во второй половине 1917 г., стал одним из двух примеров совместной работы двух столь разных кинематографистов. Главным источником материалов публикации стал архив Григория Болтянского, хранящийся в РГАЛИ (г. Москва), а также материалы к истории

кинематографического отдела Скобелевского комитета из фондов ЦГАЛИ (г. Санкт-Петербург). Публикация позволяет глубже

¹ Сценарий Г. Болтянского написан в трех частях, однако В. Старевич экранизировал его в четырех частях.

“THE DARK FAITH” BY G. BOLTYANSKY – A 1917 FICTION FILM SCRIPT, DIRECTED BY V. STAREVICH

ABSTRACT

As part of the article, for the first time, the script of the fiction film “The Dark Faith” is published. It was written in 1916 by screenwriter Grigory Moiseevich Boltyansky – the future organizer of Soviet film production, a pioneer of Soviet newsreels, a film enthusiast. After the October Revolution he was busy in directing, film studies, film history and theory, as well as other areas related to the popularization of the art of cinema. The period of 1916–1918 is the time of his active collaboration with the cinema department of the Skobelev Committee. One of the full-time members there was the director and cameraman, the founder of Russian animation, and the master of special effects Vladislav Aleksandrovich Starevich (Ladislav Starevich). The four-part fiction film “The Dark Faith” was released in the second half of 1917. It is one of only two examples of collaboration between very different filmmakers. The main source of materials for the publication was the collection of Grigory Boltyansky, stored in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI, Moscow), as well as materials related to the history of the cinema department of the Skobelev Committee from the collections of the Central State Archive of Literature and Art (TsGALI, St. Petersburg). The publication allows a deeper understanding of the creative evolution of both Boltyansky and Starevich, whose paths, after the completion of their collaboration with the Skobelev Committee, never crossed again.

понять творческую эволюцию Г. Болтянского и В. Старевича, пути которых после завершения их сотрудничества со Скобелевским комитетом более никогда не пересекались.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ранний русский кинематограф, «Темная вера», Г. М. Болтянский, В. А. Старевич, киносценарий, кинематографический отдел Скобелевского комитета.*

KEYWORDS: *Early Russian cinema, "The Dark Faith", Grigory Boltyansky, Vladislav Starevich, film script, cinema department of the Skobelev committee.*

ОТ ПУБЛИКАТОРА

В истории отечественного кино до сих пор остается немало белых пятен. Одно из таких – полная фильмография кинематографического отдела Скобелевского комитета, который вел активное кинопроизводство в 1914–1917 гг. и базировался в Москве. Она все еще является малоизученной и ждет своих исследователей: усилия предыдущих поколений историков [1, с. 58] до сих пор в основном были направлены на изучение сведений о документальных съемках, которые военные операторы вели на фронтах Первой мировой войны по заказу комитета. Игровые фильмы Скобелевского комитета в силу различных обстоятельств долгое время оставались и остаются на периферии внимания исследователей.

Новый пласт информации по теме автору этой статьи удалось выявить лишь недавно, во время работы над сборником о первом отечественном режиссере-аниматоре Владиславе Старевиче, который вышел в свет в 2021 г. [2]. Так, благодаря документам, связанным с историей деятельности кинематографического отдела Скобелевского комитета из фондов ЦГАЛИ, удалось установить названия нескольких ранее неизвестных игровых фильмов Старевича. Это фарсы «гривуазного» содержания, о работе над которыми сам режиссер предпочитал не вспоминать: «Дачный астроном», «Доброе сердечко», «Женитьба Поля», «Жених по дешевой цене», «Чучело гороховое» и др. Единственное публичное упоминание этих фильмов (выпуск: 1916–1917 гг.), которые прежде не включались в состав фильмографий В. Старевича, – реклама в «Кине-журнале» в 1916 г. [3, с. 45]. Комедии и комические фильмы под такими же или схожими названиями – «Полю – дачный астроном» (1 часть, 240 м), «Доброе сердечко» (1 часть, 308 м), «Женитьба Поля (1 часть, метраж неизвестен), «Жених за 1.20» (1 часть, 214 м), «Чучело гороховое» (1 часть, 316 м) – значатся в «Инвентаре картин прокатной конторы кинематографического отдела Скобелевского просветительского комитета в Петрограде на 1 апреля 1918 г.» [4, л. 7]. Это позволяет утверждать, что все эти несохранившиеся картины были завершены режиссером и существовали в действительности.

Среди других найденных материалов, связанных с деятельностью Старевича в кинематографическом отделе Скобелевского комитета, где он работал в 1915–1917 гг., оказались кадры² и либретто различных утраченных лент режиссера, в частности новая информация о фильме «Темная вера» (1917), который вышел на экраны уже после Февральской революции в новую, неподцензурную эпоху и потому смог коснуться ранее запрещенных тем. До сих пор о содержании этого фильма можно было судить лишь по короткому сообщению в «Кинезурнале»: «Скобелевским комитетом выпущена интересная картина из жизни сектантов по сценарию Г. М. Болтянского “Темная вера”. Пьеса поставлена В. А. Старевичем с присущим ему мастерством.

В главных ролях драмы выступают артисты Художественного театра М. Н. Кемпер и А. А. Вырубов и арт. Государственного театра Л. В. Сычева. В картине прекрасно поставлены сцены “радений”, производящие на зрителя впечатление кошмара» [5, с. 48] (рис. 1).

Материалы из фонда Григория Моисеевича Болтянского, хранящиеся в РГАЛИ, позволили значительно расширить наши знания об этой постановке. В частности, помимо сценария, который впервые публикуется ниже, был обнаружен рекламный буклет с кадрами и либретто фильма: «Полюбила деревенская красавица Настя сыну помещика Чумакова, студенту Павлу, и решил он жениться на ней. Для этой любви Павел пренебрег всем: порвал с семьей, с университетом, с богатством и так называемой карьерой и пошел в батраки к отцу Насти, старику Ивану Воронцу. Когда молодые поженились и мирно зажили на хуторе, старик Воронеж решил уйти на покой в скит, куда его давно звали монахи, часто навещавшие хутор. С этого и начались беды семьи. Иван Воронеж попал в лапы хлыстов, которые обобрали его и из цепких рук которых ему едва удалось вырваться уже нищим. Благодаря этому Павел с женой и родившимся у него ребенком претерпели много горя, так как монахи отобрали у него хутор. Только благодаря случайности и энергии

² В книге «Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг. Документы. (М.: РОССПЭН: РГАЛИ, 2016 г.) ранее публиковали два сохранившихся кадра из этого фильма, который в книге был ошибочно датирован 1920 г.

Рис. 1. Реклама фильма «Темная вера». «Кинезурналь». 1917. № 17. 24–30 декабря. Б. п.

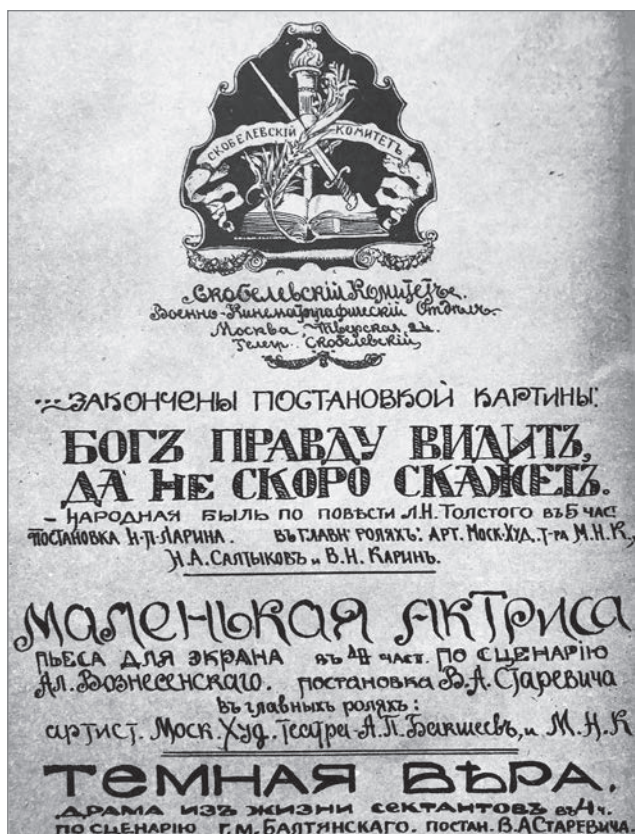

Рис. 2. Журнальная реклама продукции Кинематографического отдела Скобелевского комитета. «Сине-фото». 1917. № 15 – 16. Б. п.

ных фильмов). Аполитичный Владислав Старевич к 1917 г. уже давно был широко известен как профессиональный режиссер-оператор, что было редким сочетанием двух профессий в одном человеке в дореволюционном кино, и мастер спецэффектов (неудивительно, что критики отмечали в фильме именно «сцены “радений”, производящие на зрителя впечатлени кошмара»). Крайне политизированный Григорий Болтянский – профессиональный революционер, член РСДРП, меньшевик, критик, который мечтал поставить кинематограф на службу пролетариату, – стал широко известен уже после революции и прославился позднее как режиссер документальных фильмов и агитационной кинохроники. Автор статьи надеется, что публикация сценария «Темная вера» позволит будущим поколениям исследователей истории советского кино глубже понять творческую эволюцию Г. Болтянского и В. Старевича, пути которых после завершения их сотрудничества со Скобелевским комитетом более никогда не пересекались (рис. 2).

Павел был приглашен управляющим в имение богатого помещика и спасся от нужды. После всей этой житейской бури семья снова соединилась и мирно зажила в труде. С этого времени старик уже не помышлял о монастырях и часто говорил: «Одна правда у человека – его святой труд» [6, л. 25].

Игровой фильм «Темная вера», который вышел на экраны во второй половине 1917 г., стал одним из двух примеров удивительного сотрудничества двух столь разных кинематографистов (второй постановкой стала сохранившаяся до наших дней социальная драма «К народной власти» (1917), оказавшаяся одним из первых российских агитацион-

ТЕМНАЯ ВЕРА

84

*Пьеса в 3 частях Г. Болтянского
[Надпись на документе от руки:]
Написано в 1916 г. Дано после революции в 1917 г.
(переделанный Вознесенским экземпляром).*

*Потребовать мой оригинал без добавлений у Вознесенского
(настоящий переделанный Вознесенским сценарий социально искажен).*

ЧАСТЬ 1

Картина 1

На хуторе богатого крестьянина, Ивана Егоровича, накануне дня Ивана Купалы собрались гости. Дочь его, Настя, угощала их. Хутор богатого крестьянина-собственника. Красивая малороссийская природа. Вдали серебристая лента большой южной реки. Холмы, овраги. В недалеком расстоянии видно село с возвышающейся церковью. На хуторе большой малороссийский сад, идущий по берегу става (пруда). Вечер накануне Ивана Купалы. Стада возвращаются с «толоки». Парни и молодичицы – рабочие Ивана Егоровича – загоняют скот в хлев. Часть скота у колодца с «журавлем». Сам Иван Егорович с гостями «в садку» около дома за «вечерой» (малороссийской трапезой). Тут же его дочь, Настя, прислуживает им. Гости, тихонько шушукаясь, любят девушкой. Наконец, видя, что гости занялись едой, Настя зовет девушку-прислугу Фимку за собой в горницу... Убегают...

Картина 2

– Побежим, Фимка, в соседнее село, там девки да парубки кануны Ивана Купалы справляют³.

В горнице босоногая Фимка помогает Насте принарядиться в праздничное платье. Настя выглядит подлинной украинской красавицей, в своем малороссийском наряде с массой бус на открытой шее. Обе девушки надевают на головы заготовленные венки из полевых цветов и, таясь, чтобы отец не услышал, выходят.

³ Здесь и далее курсивом выделены реплики героев и авторская речь, которые подавались в фильме как межкадровые надписи.

Картина 3

Зная про набожность Ивана Егоровича, прохожие странники и странницы нередко заглядывали к нему.

В то время как гости обильно едят и пьют, подходит и останавливается поодаль партия бредущих на поклонение святым места странников. Иван Егорович, заметив, тотчас же встает из-за стола и подходит. Выслушав их приветствия, велит батраку, чтобы тот принес побольше хлеба, и щедро набивает котомки странников. Одна старица-богомолница с длинным посохом на первом плане вразумительно рассказывает что-то страннику, и внимательно слушает, вдумчиво поглаживая длинную бороду свою, Иван Егорович...

Картина 4

Ночь под Ивана Купалу.

За селом у реки уже собрались парни и девки. Зажигаются костры. Молодежь попарно прыгает. По старинному народному поверью пара, которой приходилось прыгать через огонь, потом соединится брачными узами. К месту игр подъехал легкий экипаж, из которого вышел сосед-помещик, предводитель дворянства, жена его, бонтонная дама, и сын-студент Павел, юноша приятного южнорусского типа. Среди молодежи зашептались:

– *Глянь, предводитель Чумаченко приехал на нас посмотреть, пан приехал с женою и сыном...*

Юноша поглядел-поглядел и ему невтерпех стало: тоже захотелось попрыгать. Родители – особенно мамаша – в ужасе, но Павел лихо сбросил на землю студенческую фуражку и подбежал к Насте. Она раскраснелась, но, подбадриваемая подругами, пошла с паничем и прыгнула через костер. Кто-то из парней, забияка, быть может, обиженный предпочтением, отданным паничу, иронизирует:

– *С кем прыгаешь, с тем и под венец идти... Знать, Настя задумала с паничем повенчаться...*

Молодежь смеется. Настя сконфуженно отбегает, а бонтонная мамаша стыдит и уводит к экипажу раскрасневшегося юношу, не сводящего глаз с Насти... Парни и девки продолжают игру.

Картина 5

В логовище иоаннитов.

Темные какие-то фигуры – в полусвященнических одеяниях – таинственно совещаются, собравшись за столом в одной из келий. Полусумрак от одинокой лампы. Один из иоаннитских пастырей говорит, попивая вино (на столе уже несколько пустых бутылок).

– *Казна наша опустела... Надо братцев отправлять гуся жареного поискать. Вот про одного я слышал в Украине... Иваном Егоровичем звать... Все Бога ищет. Он для нас гусь подходящий...*

Ухмыляются, пьяными улыбками перебрасываются. Келейник по знаку пастыря выходит и вводит двух «братцев», бродячих иноков с хитрыми бегающими глазами. Угощают и их, поучая чему-то. Вдруг дверь отворяется, робко заглядывает одна из богородиц, полумонашески одетая, с плутоватой и в то же время благочестивой физиономией. Убедившись, что все свои, не заставляет себя долго просить и, присев возле пастыря, чуть не на колени к нему, тянет вино из его же стакана. Он слегка щекочет ее, и все смеются, сладенько подмигивая друг дружке...

Картина 6

Старик иногда все ночи проводил на молитве: упорно правды искал на земле, забывшей Бога...

К Ивану Егоровичу в спальню вошла дочь, Настя, пожелала ему спокойной ночи и вышла. Старик благочестиво и любовно перекрестил дочь, а когда удалилась она, стал на колени перед иконами, заполнившими весь угол, и стал истово бить поклоны, шепча священные, молитвенные слова.

Картина 7

А Настя уже не раз бегала к пруду, где встречалась с паничем Павлом. Побежала туда и теперь...

Ночь, луна. У пруда нетерпеливо ждал, высматривая Настю, студент Павел Чумаченко. Он в вышитой малороссийской рубашке и в сапогах: только по фуражке видно, что студент. Наконец, она прибежала, озираясь. Ласково обнял студент любимую девушку, усадил ее рядом с собой на перевернутой старой лодке, вытащенной кем-то на берег, и взгрустнул. Настя любовно подняла его опущенную голову, спрашивает, что с ним. Павел отвечает:

– У нас в доме такое творится, Настя, что и не расскажешь. Отец стучит кулаками по столу, мать ругается по-французски... А я все-таки люблю мое сердечко, Настю...

Девушка доверчиво прильнула к нему. Жадный молодой поцелуй. Соловей...

Картина 8

Два монашка, иоаннитские братцы, в саду «наесли» на старика и уговаривают его смиренно, но упорно. Иван Егорович задумчиво гладит бороду, слушая сладкие речи:

– *Надлежит и душу и тело свое освободить перед Господом, как сделаешь вклад в казну нашу монастырскую на добрые дела, примем как братца тебя, и будет сие тебе во спасение...*

И долго еще под большою вишнею хуторского сада уговаривают два смиренных монашка новую жертву свою...

Картина 9

На веранде богатой помещицкой усадьбы. Предводитель дворянства Чумаченко, отчаявшись в других средствах спасения, гонит сына вон из дома. Мать, держа в руках кружевной платочек для слез, на этот раз, видимо, не на шутку взволнованна и с испугом смотрит на мужа, который кричит:

– *Блажь! Глупости! Никто не женился на хамках в нашем старом дворянском роду... Хочешь погубить его, так вон из дома моего... Не допуцуй! Вон!*

Сын слушал молча и сурово. Когда же сказал отец слово «вон» – только поднял Павел глаза на отца, подошел быстро к растерявшейся матери и поцеловал ее руку, а потом повернулся и пошел по направлению руки отца – вон из дому, со двора... Мать заплакала, жалобно вытянула вслед ему руки, но отец, еще более обозленный, решительным жестом опустил руки жены: пусть идет, молокосос! Посмотрим!

Картина 10

В горнице у Ивана Егоровича. Старик сидит у стола, а дочь молча прислушивает ему. Она печальна. Отец, взглядывая, видит это, но не спрашивает. Видно, догадывается о причине девичьей скорби. Вдруг дверь распахивается, и на пороге появляется Павел. Настя бросилась было к нему, но законфузилась перед отцом и отошла. С испугом смотрит на юношу, не бывавшего раньше в их доме. Павел открыто подошел к поднявшемуся к нему навстречу старику и сказал:

– *Иван Егорович, не удивляйтесь и выслушайте! Я люблю вашу дочь, а она меня. Пожените нас, я здоровый, сильный, буду вам хорошим батраком... и сыном...*

Старик по привычке к раздумью опустил на мгновение голову, потом поднял ее и просветленно посмотрел на обоих:

– *Что ж, если Бог просветил вас любовью, – я не помеха.*

Настя, радостно плача, бросилась к отцу. Подошел и расцеловался с ним и Павел. Старик набожно их благословил.

Картина 11

Картина малороссийской свадьбы в саду на хуторе. Молодые на середине стола. Деревенские музыканты тренькают, кто на гармонике, кто на скрипке. Даже старички подвыпившие пошли в пляс со старушками. Все подхлопывают им в такт и смеются. Тихонько встал от трапезы Иван Егорович и пошел вглубь сада.

Картина 12

Одинокое, запущенное место в саду. Подошел Иван Егорович, ушедший от общего веселья, поднял к небу голову и, молитвенно сложив пальцы для крестного знамения, произнес:

– *Дай силы мне для подвига моего, Господь милосердный!..*

Так и застыл в религиозном экстазе, глядя ввысь полными слез глазами...

Конец 1-й части.

ЧАСТЬ 2

Картина 13

Зная, что Иван Егорович действительно религиозный человек, «братцы» и «сестрицы» при обряде посвящения старались держать себя чинно.

Внутреннее помещение большой избы. Вдоль стен лавки, на которых сидят одетые только в длинные белые рубахи «братцы» и «сестрицы». Все они подпоясаны красными, завязывающимися спереди кушаками. У сестриц, у которых рубахи покороче, белеет обнаженное тело ног. Переговариваются, шепчутся, посмеиваются, собираясь небольшими группами. Наконец, кто-то заглянул в окно, приподняв тяжелую завесу, и сказал, что ведут... Все расселись по местам вдоль стен. Старшие пастыри, так же одетые, вводят Ивана Егоровича. Он тоже в длинной белой рубахе, подпоясанной кушаком. Его ставят посередине комнаты. Все встают. Старший братец задает новопосвященному ряд вопросов, на которые тот покорно и благочестиво отвечает. Потом старший, поднимая Ивану Егоровичу руку для присяги, поучает:

– *Обещаешь ли клятвенно, что не поведаешь никому, что увидишь и услышишь в святой обители нашей? Ни отцу, ни матери, ни жене, ни сыну, ни дочери, ни начальству, хотя бы лютою смертью казнило?..*

Старик обещает и клянется. Тогда все сидевшие соединяются в круг, образуя три круга вокруг новопосвященного, и начинают кружиться. Каждый круг в другую сторону все быстрее и быстрее...

Картина 14

На поле. Павел работает, косит вместе с другими парубками-батраками. В это время прибегает Настя, приносит милому мужу обед. Все идут обедать, а Настя и Павел усаживаются отдельно под стожком недавно скошенного хлеба. Настя, подав мужу еду, вынимает спрятанное на груди письмо и подает Павлу, он читает.

...Брат наш Иван Егорович извещает дочь и зятя, что живет он в обители очень хорошо, в святом труде и в святых молитвах, и раньше новой весны домой не вернется...

Переглядываются удивленно, видимо, ждали отца скорее домой. Обнимая Настю свободной рукой, Павел продолжает читать:

...Просим зятя Павла Сергеевича заместо него хозяйским глазом присматривать, чтобы хутор в порядке был и доходу не сбавил. И еще пришлите немедля триста рублей денег...

Павел удивляется. Как будто чужие, не Ивана Егоровича выражения. Вздохнули, сложили письмо, которое Настя опять спрятала на груди, и Павел снова стал на работу...

Картина 15

У «Богородицы» – в главном скиту.

На высоком кресле, имеющем подобие трона, с вульгарной роскошью убранная женщина, «богородица» иоаннитов (рис. 3). Она окружена другими женщинами и мужчинами, льстиво кланяющимися на каждое ее вещающее слово. Входит монах.

– Допустишь ли до себя новопосвященного, Мать-Богородица? Он уже шесть месяцев с нами и жаждет тебя лицезреть!

Богородица велит допустить в ее комнату, имеющую вид большой кельи, богато уставленной иконами, Ивана Егоровича. Старший братец, тот самый, что «посвящал» Ивана Егоровича, быстро подходит и шепчет что-то на ухо богородице. Та кивает понятиливо головой. Принимает торжественный вид. Вводят Ивана Егоровича. Он трижды кланяется богородице коленопреклоненно, потом подходит и набожно целует ее руку, которою она благословляет его. Затем задает ему вопрос. Он смиренно отвечает. Наконец, богородица сурово наставляет его:

Рис. 3. Из буклета с либретто «Темной веры» (М.: Издание Кинематографического отдела Скобелевского комитета, 1918). РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 23

– *Богатым нет от господа бога нашего спасения! Пока не отдашь всю казну свою на святые нужды обители нашей, будешь ты грешен и грехи твои только умножатся от молитвы, ибо неугодны богу слова без дела! Поди да подумай...*

И отпускает опустившего голову старика. Когда он вышел, богородица радостно зашептала со старшим братцем: «Этот готов».

Картина 16

Весна.

Настя, уже оправившаяся после родов, сидит в горнице с новорожденным, которого кормит грудью. Накормила, уложила в колыбель (подвешенное к потолку корытце) и качает, тихонько напевая. Входит муж. Павел возмужал за год и оброс бородой. Улыбаясь на предосторожность жены, встретившей его звуком «тс-с-с», подошел к люльке, и оба глядят любовно на младенца. Потом Настя поднялась, взяла с полки кубики и под руководством Павла стала заниматься азбукой. Сложила из кубиков и показывает ему (на экране):

Павел.

Он целует понятливую ученицу, и занимаются дальше. Вдруг стук. На пороге монашек: один из тех, кто приходил посланником к старику. Иезуитски приветствует молодых хозяев, передает поклон от Ивана Егоровича, а когда увидел колыбель, то с нарочитой ласковостью залюбовался ребенком. Настя спрашивает про отца с тревогой и интересом.

– *Расскажите же мне все про отца. хорошо ли ему? здоров ли?..*

– *Во здравии и благоденствии пребывает, сердцем прикован ко святой обители нашей, и в мир вернуться охоты больше не имеет...*

Павел хмуро слушает странника. Что-то недоброе чудится ему в сладкой угодливой улыбке монаха.

Картина 17

Над рекой бредут, как бы выйдя на прогулку, монах и Павел. Монах назойливо восхищается природой, а Павел молчалив. Наконец, он останавливается и спрашивает прямо:

– *Зачем вы позвали меня на прогулку? Вы мне хотите что-нибудь сказать?..*

– *Я прибыл с одним документом. Не хотел при супруге вашей... Вот, извольте-с...*

Подал Павлу бумагу, которую достал из штанов, высоко засучив подрясник. Павел пробежал и остолбенел. Затем не поверил и вторично прочел всю... Да, это так. Отдал монаху бумагу, не простившись, повернулся и быстро пошел от него. Монах в первое мгновение обиделся, а потом ядовито усмехнулся. Ничего, мол, не поделаешь, сколько ни злись, зятек. Документ от тестя по всей форме.

Картина 18

Настя стирала в горнице белье ребенка, когда вошел Павел, подошел и тронул Настю за плечо, потом сел к столу. Она сразу почувствовала беду, вытерла руки и подошла к мужу:

– Не пугайся, Настюша! Дело в том, что мы теперь нищие. отец твой, совращенный монахами, передал все свое имущество в дар обители иоаннитов.

Настя вскрикнула, бросилась к мужу и заплакала горько, но он поднялся и, привлекая ее к себе, сказал мужественно и твердо:

– Не плачь, родная! Я напишу туда, авось, вызволю старика из сетей, а коли нет – мы молоды и сильны, прокормимся трудами своими...

И утешает плачущую жену теплыми увещевающими словами, пока она не затихает у него на плече. На лице его суровая мысль и решимость...

Картина 19

Ободрав дочиста старика, «братцы» перестали стесняться и посылали Ивана Егоровича на самую черную работу.

У гумна Иван Егорович, закатив брюки, босой, перекладывает вилами навоз. Уморился. Снял шапку и вытирает пот. Проходящий монах прикрикнул, и Иван Егорович, чтобы поспеть к сроку работы, снова покорно взялся за вилы...

Картина 20

Однажды ночью.

[Приписка от руки:] *Эту сцену можно дать, как и последующую, на воздухе, в монастырском лесу, а не в помещении, соответственно изменив.*

Ночь. Монастырский двор. Из одной из келий вышел Иван Егорович и пошел по саду, чтобы подышать воздухом. Стал и смотрит ввысь, на светлые, далекие звезды. Вдруг слуха его коснулось пение. Прислушался и пошел по направлению к зданию, стоящему в саду. Снова прислушался...

Иван Егорович по странным звукам догадался, что здесь происходит одно из тех ночных радений, на которые его упорно не допускали...

Иван Егорович, слушая вопли страсти и разгула, укоризненно покачал головой и решил войти и проверить, чем занимаются братцы по ночам... Остановился... не решаясь. Уже взялся за ручку и опять не решился. Потом сразу решился и с силою дернул ручку...

Картина 21

Ночные радения.

Белые фигуры одетых только в кисейные рубашки и подпоясанных красными кушаками «братцев» и «сестриц» образовали три входящих один в другой круга и движутся сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, выкликавая слова песен и молитв... В вихре белой кисеи мелькают и исчезают, как заметаемые снегом, обнаженные руки, ноги, торсы... По-видимому, сознание у участников постепенно помрачается: белые рубахи и обнаженные тела своим вихрем создают настроение экстаза. Некоторые фигуры в корчах падают на пол, выкрикивая: «Накатило! Накатило!»... Спустя несколько мгновений образуется общая свалка тел. Разгоряченные тела сливаются в какую-то оргию, похожую на шабаш плотоядных ведьм. В это время распахивается дверь, и на пороге стоит высокий изможденный старик Иван Егорович. Взглянул и в ужасе закрыл руками лицо.

Картина 22

Ворота монастыря. Ночь. Приоткрытая тяжелая железная дверь выпустила фигуру старика с котомкой за плечами. Осторожно озираясь, вышел Иван Егорович и, стараясь не шуметь, нащупывая палкой в темноте дорогу, пошел вон из обители адовой, которую в простоте души своей принял за обитель Божью...

Конец 2-й части.

ЧАСТЬ 3

Картина 23

Когда у Насте отобрали и продали хутор, Павел пошел работником в усадьбу помещика Хрулева, а Настю взяли коровницей туда же...

Возле сарая с коровьим стойлом небольшая хата, где живут Павел и Настя. Под вечер. Настя доит корову у сарая. Подошел, вернувшись с работы, Павел, положил грабли и, ласково кивнув Насте, вошел в хату. Вышел оттуда с ребенком и с газетой. Сел на завалинку и, придерживая ребенка на колене, другой рукой развернул газету. Настя кончила доить, загнала корову в сарай и, подойдя к мужу, рассмеялась, что он делает два дела сразу... Он, улыбнувшись ответно, отдал жене ребенка и погрузился в газету. Настя забавляет дитя, вскидывая его на руке кверху.

Картина 24

К старому, разбитому параличом помещику Хрулеву приехала погостить сестра его, женщина-врач Анна Игнатъевна.

В саду сидит и дремлет больной, прикованный к перевозному креслу, старик. Вышла из комнаты и направилась к нему дама в пенсне, женщина-врач, его сестра... Анна Игнатъевна поправила плед на плечах старика, сорвала и дала ему ветку жасмина, потом пошла побродить по усадьбе...

Картина 25

Анна Игнатъевна, гуляя, подошла и к коровнику. Настя, завидев ее, пошла навстречу, поклонилась и вежливо отвечает на вопросы. Анна Игнатъевна заигрывает пальцами с ребенком и вместе с Настей приближается к хате.

Увидела погруженного в газету Павла и вдруг бросилась к нему:

- *Откуда у вас «Русские ведомости»? Я так соскучилась в деревне по своей газете.*
- *Я получаю эту газету. Пожалуйста, я уже прочитал... Возьмите...*

Анна Игнатъевна в первое мгновение удивлена до крайности, видя босого работника, получающего «Русские ведомости». Но не подала по воспитанности виду, о чем-то еще спросила Павла, потом поблагодарила за газету, протянула руку мужу и жене и пошла к усадьбе...

Картина 26

Боясь разоблачений покинувшего обитель старика, «братцы» снарядили за ним погоню...

На какой-то небольшой станции на платформу третьего класса взошли два монашка и, рассмотрев публику, заметили среди спящих на полу кого-то им нужного... Один прибежал и привел жандарма. Другой шепчет ему:

- *Помогите, господин жандарм, препроводить обратно старичка, ушедшего из нашей обители. Он не в своем уме и нуждается в попечении как человек буйный...*

После этого монашек осторожно будит Ивана Егоровича... Когда же тот просыпается и, увидев преследователей, вскакивает, оба монаха при помощи жандарма схватывают его и ведут к поезду. На его естественное сопротивление и крики монахи указывают жандарму как на проявление буйного помешательства. Из станции и вагонов вышли люди и смотрят, любопытные выглядывают из окон... Монахи всем объясняют, что старик сумасшедший, и вместе с жандармами насильно водворяют его в вагон...

Картина 27

За утренним чаем.

Сестра Хрулева Анна Игнатъевна настойчиво объясняет брату, кормя его утренним чаем в столовой и подливая ему в стакан сливок.

– Пользуясь твоей болезнью, невежественный и нечестный управляющий явно обкрадывает тебя. Между тем здесь, под боком, живет хороший интеллигентный человек, который мог бы тебе быть очень полезен...

– Кто же это?

Когда же сестра говорит про работника Павла, Хрулев не верит. Анна Игнатъевна посылает за ним служанку, и та вводит Павла, только что отозванного от работы в огороде. Он бос, и ворот рубашки его отстегнут. Анна Игнатъевна подает ему руку и говорит:

– Мне показалось, что вы могли бы быть нашему хозяйству более полезны в конторе, чем в огороде. Скажите, вы... учились где-нибудь?

– Да... я бывший студент.

Старик глаза расширил от удивления. Приглашает Павла сесть. Он стесняется сначала, но, подбадриваемый милой просьбой Анны Игнатъевны, становится откровеннее. Она наливает и подает Павлу чаю. Старик, оживившись и забыв про болезнь, с интересом расспрашивает работника-студента.

Картина 28

Из-под надзора «братцев».

Ночь. Поезд, замедлив ход, подходит к станции, когда с подножки вагона, озираясь, спрыгивает старик, бежит к подводу и умоляет мужика везти его. Мужик сначала недоверчиво, а потом, сраженный мольбою старого человека, сочувственно усаживает его на подводу и подгоняет лошаденку. Спустя мгновение, когда поезд остановился, выбегают из вагона заметившие «пропажу» братцы. Расспрашивают проходящих, обращаются к начальнику станции, но никто не видел следов старика. Даже пыли на дороге в ночной мгле неприметно от быстро удаляющейся подводы...

Картина 29

Новый управляющий.

В домике управляющего приветливо и уютно. Павел в парусиновой поддевке и в сапогах за простым некрашеным столом с письменными принадлежностями беседует с двумя старыми мужичками, пришедшими по делу. Он ласков с ними, и они довольны им.

Когда вошла Настя и стала вытирать пыль, мужики добродушно переглянулись, и один из них сказал Павлу:

– Славная у тебя хозяйка, Павел Сергеевич. Дай Бог тебе, хорошему человеку, с ней сына прижить али дочку...

Настя засмеялась, открыла дверь и позвала малютку, который засеменил к ней неуклюжими ножками. Павел пошел к сыну и повел его к улыбающимся мужикам, когда неожиданно открылась дверь и на пороге встал длинный, тощий старик и снял шапку.

Настя вскрикнула, узнала отца и кинулась к нему на шею. Взволнованный, подошел и Павел с ребенком, и старик обнял его, а потом поднял внука и, заливаясь старческими слезами, стал неотрывно вглядываться в милое младенческое лицо.

И мужики, стоя в сторонке, умилились: что-то шепчут один другому, и просветлели угрюмые деревенские лица, глядя на деда и внука.

Рис. 4. Из буклета с либретто «Темной веры» (М.: Издание Кинематографического отдела Скобелевского комитета, 1918). РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 24

Картина 30

Поле. Работы в разгаре. Управляющий Павел Сергеевич снял парусиновый кафтан и помогает крестьянам убирать хлеб, делая указания, отдавая распоряжения, работая, как равный среди равных... В это время показались бегунки. Подъехал старик Иван Егорович вместе с Настей и внуком. Наскоро приветливо поздоровался Павел с приехавшими и вновь отошел к рабочим. Старик, держа на руках внука и глядя на кипучий крестьянский труд, тихо сказал дочери, как бы назидая [так] ребенка (рис. 4):

– Учи ребенка, Настюша: одна есть на земле праведная вера и одна перед Богом молитва – человеческий труд... все остальное – слепота и суета людская...

Настя подняла руку отца и любовно поцеловала... Золотые жирные снопы, связанные сильными руками, покорно ложились вокруг, как драгоценные дары великой земной благодати...

КОНЕЦ [7, л. 6–19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магидов В. Источники о деятельности Скобелевского комитета и его роли в отечественном кинопроцессе накануне и в ходе Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 года // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 58.
2. Дединский С. Н. (сост.) Дрессировщик жуков. Владислав Старевич создает анимацию. М.: Проект 1895.io, 2021. – 776 с.
3. Кине-журнал. 1916. 20 августа. № 15–18. С. 45.
4. Опись картин и оборудования б. кинематографического отдела Скобелевского просветительного комитета // ЦГАЛИ. Фонд Р – 83. Оп. 1. Д. 1. Л. 7; 19 об.
5. Хроника Скобелевского комитета // Кине-журнал. 1917. 30 декабря. № 17–24. С. 48.
6. РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 25.
7. РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6–19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дединский Станислав Николаевич – магистр искусствоведения (искусство кино), продюсер издательских проектов киностудии «Союзмультфильм», главный редактор киноведческого проекта 1895.io.

E-mail: mnmlzm@yandex.ru

ORCID: 0000–0002–1396–8251

Дединский С. Н. «Темная вера» Г. Болтынского – сценарий игрового фильма (1917), поставленный В. Старевичем // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2021. № 3. С. 80–96.
DOI: 10.35852/2588-0144-2021-3-80-96

Статья поступила в редакцию: 01.07.2021

Принята к публикации: 11.08.2021

REFERENCES

1. Magidov V. *Istochniki o deyatelnosti Skobelevskogo komiteta i ego roli v otechestvennom kinoprotsesse nakanune i v khode Pervoi mirovoi voyny, Fevral'skoi i Oktyabr'skoi revoliutsii 1917 goda* [Sources on the Activities of the Skobelev Committee and its role in the Domestic Film Activities on the Eve and During the First World War, the February and October Revolutions of 1917]. In: *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the Archivist], 2012, no. 4, p. 58.
2. Dedinskiy S. N. (ed.) *Dressirovshchik zhukov. Vladislav Starevich sozdaet animatsiiu* [The Bug Trainer. Vladislav Starevich Creates Animation]. Moscow: Project 1895.io Publ., 2021. 776 p.
3. *Kine-zhurnal*. 1916. August 20, no. 15–18, p. 45.
4. *Opis kartin i oborudovaniya b. kinematograficheskogo otdela Skobelevskogo prosvetitelnogo komiteta* [Inventory of Films and Equipment of the Former Cinema Department of the Skobelev Educational Committee]. TsGALI [Central State Archive of Literature and Art]. Fund R – 83. Op. 1. D. 1. L. 7; 19 verso.
5. *Khronika Skobelevskogo komiteta* [News of the Skobelev Committee]. In: *Kine-zhurnal*. 1917, December 30, no. 17–24, p. 48.
6. RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. Fund 2057, op. 1, ed. khr. 5, l. 25.
7. RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. Fund 2057, op. 1, ed. khr. 5, l. 6–19.

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav Dedinskiy – master of art history (Cinema Studies), producer of publishing projects at the Soyuzmultfilm studio, editor-in-chief of the film studies project 1895.io.

E-mail: mnmlzm@yandex.ru

ORCID: 0000–0002–1396–8251

Dedinskiy S. N. “The dark faith” by G. Boltyansky – a 1917 fiction film script, directed by V. Starevich. In: *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*. 2021, no. 3, pp. 80–96.
DOI: 10.35852/2588-0144-2021-3-80-96

Received: 01.07.2021

Accepted: 11.08.2021